

DOI: 10.31857/S0130386425030099

© 2025 г. В.И. ЖУРАВЛЕВА

РЕТА ДОР: ВДОХНОВЕНИЕ И ОТРЕЗВЛЕНИЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ

Журавлева Виктория Ивановна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой американских исследований факультета международных отношений Института международных отношений и политических наук Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия).

E-mail: zhuravlevavic@mail.ru

Scopus Author ID: 36599608300; ORCID: 0000-0003-4690-2686; Researcher ID: S-8120-2016

Аннотация. Статья посвящена восприятию Русской революции 1917 г. в ее движении от Февраля к Октябрю американской журналисткой, феминисткой и политической активисткой Ретой Дор. В отличие от других американских наблюдателей событий, происходивших в России в указанный период, ей не было посвящено специальных исследований. Между тем в деятельности и публикациях Дор отразился реформаторский дух Прогрессивной эпохи в США, начиная с макрейкерства и суфражизма и заканчивая движением за создание социальных центров-поселений в бедных кварталах и «интеллектуальным социализмом». Кроме того, ее статьи и травелог «Внутри Русской революции» стали свидетельством повышенного интереса американцев различных идеологических взглядов к революционной России. Автор использует конструктивистский подход с целью продемонстрировать, как нарратив Дор о Русской революции обуславливался ее гендерной идентичностью и видением путей реформирования американского общества, как он вписывался в дискурсы о перспективах обновления России, существовавшие в США в начале XX в. и связанные с процессом конструирования национального «Я». Все эти дискурсы нашли отражение в работах американских русистов, в публицистике и журналистике, сохранив свое значение до сих пор и сформировав основу того явления, которое можно назвать американской феноменологией Русской революции.

Ключевые слова: Рета Дор, США, Россия, имагология российско-американских отношений, Февральская революция 1917, Октябрьская революция 1917, травелоги, американская журналистика, суфражизм, феминизм.

V.I. Zhuravleva

Rheta Dorr: Inspired and Sobered by the Russian Revolution

Victoria Zhuravleva, Institute of International Relations and Political Sciences, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: zhuravlevavic@mail.ru

Scopus Author ID: 36599608300; ORCID: 0000-0003-4690-2686; Researcher ID: S-8120-2016

Abstract. This article is devoted to the perception of the 1917 Russian Revolution as it evolved from February to October by Rheta Dorr, a famous US journalist, feminist, and political activist.

Unlike other American observers of the events in the far-away Russia, Dorr did not merit any major studies, and her personal papers did not survive in any archive. And yet, in her activities and writings, this woman embodied the pro-reform spirit of the Progressive Era in the United States that manifested in many phenomena from muckraking journalism and suffragism to the settlement house movement and “highbrow socialism”. Dorr’s articles and her travelogue “Inside the Russian Revolution” also demonstrated the increased interest in the Revolutionary Russia that was typical for many Americans of various political views. The author appeals to the constructivist approach and demonstrates that Dorr’s narrative about the Russian revolution was tied into her gender identity and into her vision of the ways of reforming the American society itself. This also fitted into several discourses of viewing the prospects Russia’s renewal that existed in the American society in the early 20th century and related to constructing the national identity in the United States. All of them were incorporated into the works of American Slavists, political writings, and journalism and remain relevant even now as they formed the foundations of what can be termed the American phenomenology of the Russian revolution.

Keywords: Rheta Dorr, USA, Russia, imagology of Russian-American relations, 1917 February Revolution, 1917 October Revolution, travelogues, American journalism, suffragism, feminism.

«Я приехала в Россию социалисткой по убеждению и последовательной сторонницей революции, будучи лично знакома со смелыми мужчинами и женщинами, заключенными в тюрьму и отправленными в ссылку после провала восстания 1905–1906 гг. Я вернулась из России с твердым убеждением в том, что мир должен пока подождать кооперативной эры и передачи правительственной власти человеку с улицы»¹, – так Рета Дор, известная американская журналистка, феминистка и политическая активистка, подводила итог своим непосредственным наблюдениям за событиями Русской революции 1917 г. в ее эволюции от Февраля к Октябрю. Ее книга «Внутри Русской революции», опубликованная в США в конце 1917 г., никогда не переиздавалась и не переводилась на русский язык². Самой Дор, в отличие от таких американских наблюдателей Русской революции, как, например, Луиза Брайант и Элизабет («Бесси») Битти, Джон Рид и Альберт Уильямс, не было посвящено специальных исследований, кроме кратких разделов в справочных изданиях и упоминаний в обобщающих работах о женщинах-корреспондентках, суфражистках и журналистах-макрейкерах³, а ее личные бумаги не сохранились ни в одном хранилище первоисточников.

Между тем деятельность и публикации этой американской журналистки заслуживают особого внимания по нескольким причинам. Во-первых, в них воплотился реформаторский дух Прогрессивной эпохи в США в ее различных проявлениях. Во-вторых, книга Дор – это женский травелог о Русской революции, а изучение такого рода эго-документов в XXI в. привлекает особое внимание исследователей⁴. Подобно другим американским журналисткам, находившимся в революционной России, Дор отказалась от абстрактного теоретизирования и стремилась фиксировать день за днем то, как конкретные люди переживали

¹ Dorr R. Ch. Inside the Russian Revolution. New York, 1917. P. 1.

² В настоящий момент эта книга готовится к изданию с комментариями и ввводной статьей В.И. Журавлевой в рамках серии Americans in Revolutionary Russia. Переиздание травелогов американцев, побывавших в России в 1917–1921 гг., было начато под редакцией Н.Е. Сола и У.Б. Уизинханта в Slavica Publishers и продолжено в Anthem Press.

³ Ross E. Ladies of the Press. The Story of Women in Journalism by an Insider. New York; London, 1936; Filler L. Crusaders for American Liberalism. New York, 1939; Riegel R.E. American Feminists. Lawrence, 1966; Jakes J. Great Women Reporters. New York, 1969; Motes S.G. Rheta Dorr // American Newspaper Journalists, 1901–1925 / ed. P.J. Ashley. Detroit, 1984; Edwards J. Women of the World. The Great Foreign Correspondents. Boston, 1988.

⁴ См., например, публикацию переводов книг Ф. Харпер и Б. Битти: Россия 1917 года в эго-документах. Записки репортера / под ред. Н.В. Суржиковой. М., 2016. См. также: Chatterjee Ch. “Odds and Ends of the Russian Revolution”, 1917–1920: Gender and American Travel Narratives // Journal of Women’s History. 2008. Vol. 20. № 4. P. 10–33; Mickenberg J.L. Suffragettes and Soviets: American Feminists and the Specter of Revolutionary Russia // Journal of American History. 2014. Vol. 100. № 4. P. 1021–1051.

войну, революцию, политическую и экономическую нестабильность. Это была своеобразная «импрессионистская» техника, которая позволила сформировать особый женский нарратив о Русской революции 1917 г. и сыграла важную роль в формировании гендерной идентичности самих американок. И, наконец, тексты Дор о революционной России вписывались в различные американские дискурсы о ней. Наблюдая за происходящим по другую сторону Атлантики и пытаясь осмыслить революционное послание русских, американцы уточняли собственное идейное кредо и видение путей дальнейшего реформирования не только российского, но и американского общества⁵. Параллельно с этим происходил процесс формирования нарратива о Русской революции, который в последующем оказал влияние не только на восприятие Советской России, но и на академическую русистику (а затем и советологию), будучи тесно связанным с внутривосточной повесткой самих Соединенных Штатов⁶.

И во всех указанных случаях русский «Другой» принимал участие в конструировании представлений об американском «Я». Использование конструктивистского подхода позволяет считать за сюжетными разворотами, чередой событий и встреч, мыслями и чувствами автора его биографию, сопряженную с формированием индивидуальной и национальной идентичности.

Именно поэтому, а также ради восстановления исторической справедливости в отношении Дор как незаслуженно обделенной вниманием историков свидетельницы эпохи, первая часть настоящей статьи посвящена ее жизненному пути, в то время как вторая — ее практикам повествования о Русской революции.

ОТ РЕДАКТОРА ЖЕНСКОЙ КОЛОНКИ ДО ВОЕННОЙ КОРРЕСПОНДЕНТКИ

Рета Дор родилась в городе Омаха (штат Небраска) 2 ноября 1866 г. Она была вторым ребенком в многодетной семье, которая вскоре после ее появления на свет переехала в Линкольн. В двенадцать лет Дор вопреки запрету отца отправилась на лекцию о гендерном равноправии, которую читали Элизабет Кейди Стэнтон и Сьюзен Браунелл Энтони — две харизматичные американки, широко известные своей борьбой за права женщин. В итоге Дор навсегда вдохновилась этой идеей, пожертвовав заветный серебряный доллар на «благое дело» и примкнув к Национальной ассоциации суфражисток (The National Suffrage Association), которая боролась за предоставление американским женщинам избирательных прав. Отцовское наказание за непослушание лишь укрепило бунтарский дух Дор и ее уверенность в необходимости защищать свое право на независимость суждений⁷.

В пятнадцать лет девушка начала работать, чтобы финансово поддержать семью, а после окончания школы поступила в Университет Небраски в Линкольне. Однако ей хотелось вырваться в большой мир. В 1890 г., предварительно проработав два года в почтовом офисе и скопив немного денег, Дор отправилась в Нью-Йорк. В этом городе она не только поняла, что журналистика — ее призвание, но и встретила своего будущего мужа, с которым прожила в браке с 1892 по 1898 г. и от которого родила сына. Супружеская пара вскоре после свадьбы переехала в Сиэтл, однако через шесть лет развелась, поскольку консервативно

⁵ Foglesong D.S. The American Mission and the “Evil Empire”. The Crusade for a “Free Russia” since 1881. New York, 2007. P. 38–43, 50–59; Журавлева В.И. Американское путешествие в Русскую революцию: образы и мифы (1905–1917) // Исторический вестник. 2018. Т. 23. С. 138–173; *Ее же*. Образ Русской революции в американском радикальном дискурсе: социальная миссия России vs либеральная миссия США // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 12 (98). Часть I. URL: <https://history.jes.su/s207987840012984-1-1/> (дата обращения: 07.03.2025). DOI: 10.18254/S207987840012984-1

⁶ Журавлева В.И. Русский революционный «Другой» в американской русистике // Революции и революционный дискурс в США / под ред. В.И. Журавлевой, И.В. Морозовой, Х.Б. Фернандеса. М., 2019. С. 158–176; *Ее же*. Изучение Русской революции в США: академический дискурс как дискурс идентичности // AMERICANA. Вып. 16 / под ред. А.И. Кубышкина, И.И. Куриллы. СПб.; Волгоград, 2020. С. 148–165.

⁷ Dorr R. Ch. A Woman of Fifty. New York, 1924. P. 10–12.

мыслящий муж, занимавшийся собственным бизнесом, отказывался разделять представления Дор о женском равноправии и ее увлечение журналистской деятельностью⁸.

После развода она окончательно обосновалась в Нью-Йорке и в течение трех лет обивала пороги редакций, тщетно пытаясь пробиться в мужской на тот момент мир американской журналистики. Окно возможностей неожиданно открылось для Дор в 1900 г., после того, как она смогла убедить Теодора Рузвельта, избранного тогда на пост вице-президента США, позировать перед камерой, чего не удавалось сделать никому до нее. Этот успех позволил Дор войти в штат газеты New York Evening Post. Она проработала там с 1902 по 1906 г. в качестве автора колонок, посвященных профессиональной и политической деятельности женщин-работниц. Позднее, подводя итог своего пребывания в газете, Дор признавалась: «Я научилась писать на хорошем английском языке и приобрела навыки ясного изложения мыслей и четкого следования фактам, что помогло мне в моей дальнейшей писательской карьере»⁹.

Но, главное, она погрузилась в мир американок, работавших в промышленном секторе и сфере обслуживания. Это способствовало ее превращению из репортера в журналиста-расследователя. Дор примкнула к макрейкерской журналистике, нацеленной на разоблачение злоупотреблений и коррупции во властных структурах и бизнесе, описание тяжелых условий труда на производстве и жизни в трущобах крупных городов, критику гендерной и расово-этнической дискриминации в американском обществе. Своими публикациями журналисты-разоблачители, названные Т. Рузвельтом макрейкерами (muckrakers, англ. «разгребатели грязи»), способствовали проведению прогрессивных реформ в начале XX в.

Дор переехала жить в район Ист-Сайда, чтобы лучше понять нужды женщин-работниц, подружившись не только со многими из них, но и с лидерами женского профсоюзного движения. Ее публикации помогли инициировать первое в США официальное расследование условий жизни и труда женщин-работниц в 1905 г. Поскольку Дор преподавала в одном из университетских социальных центров, она смогла познакомиться с представителями движения за создание подобных центров-поселений для малоимущих и иммигрантов в неблагополучных районах крупных городов (settlement house movement). Оно объединяло в своих рядах американок из средних слоев общества (таких как Лиллиан Уолд, которая врачевала тела и души жителей бедных кварталов Нью-Йорка) и молодых людей с высшим образованием (например, «джентльменов-социалистов» Уильяма Инглиша Уоллинга, Артура Балларда, Келлога Дарланда, Эрнста Пуля, еще в 1886 г. создавших первый университетский центр-поселение на Манхэттене и объединенных верой в необходимость социального переустройства общества¹⁰). Подобно многим журналистам-макрейкерам или «джентльменам-социалистам», Дор тяготела к «интеллектуальному социализму». Она даже временно примкнула к Социалистической партии США, полагая, что социализм является панацеей от всех общественных зол, хотя при этом не очень разбиралась в его тонкостях¹¹. С тех пор все эти люди входили в круг ее знакомств наряду с радикалами из среды русско-еврейских эмигрантов (в том числе анархисткой Эммой Гольдман), американками, известными своим политическим активизмом, а также представителями различных реформаторских движений Прогрессивной эпохи¹².

Свою макрейкерскую деятельность Дор продолжила в журнале Everybody's, сотрудничать с которым начала после поездки в 1906 г. в Европу для освещения коронации Хокона VII, короля Норвегии (1905–1957). Он стал первым ее правителем после отделения этой

⁸ Ibid. P. 18–39, 47–48, 50–54; *Riegel R.E.* Op. cit. P. 173–175; *Jakes J.* Op. cit. P. 108–109; *Motes S.G.* Op. cit. P. 78–80.

⁹ *Dorr R. Ch. A Woman of Fifty.* P. 103.

¹⁰ *Мэллоу-мл. Дж.* Уильям Уоллинг и его собратья «джентльмены-социалисты» // США: экономика, политика, идеология. 1995. № 3. С. 50–59; *Журавлева В.И.* Революция 1905–1907 гг. в России в восприятии американских «джентльменов-социалистов» // Новая и новейшая история. 2013. № 1. С. 63–77.

¹¹ *Dorr R. Ch. A Woman of Fifty.* P. 215.

¹² Ibid. P. 87–94, 107–125; *Filler L.* Op. cit. 348; *Ross E.* Op. cit. P. 3–13, 112–113.

страны от Швеции, занявшим престол на основе референдума. Деньги для путешествия американка смогла получить от газет *New York Evening Post* и *Boston Transcript*, а также журнала *Harper's Weekly*, куда впоследствии отправляла статьи¹³.

Между тем в Российской империи разворачивалась революция, о приближении которой Дор много слышала от русско-еврейских эмигрантов, проживавших в нью-йоркском Нижнем Ист-Сайде. Там же она познакомилась с Е.К. Брешко-Брешковской, «бабушкой русской революции» и одной из основателей и лидеров партии социалистов-революционеров, когда та приезжала в США в 1905 г. для сбора средств «на дело Русской революции» и разъяснения ее истинных целей американцам¹⁴. Не удивительно, что журналистка решила за свой счет ненадолго съездить в Россию, где свела знакомство с русскими революционерами и навсегда увлеклась их борьбой за свободу. Из Санкт-Петербурга Дор направилась в Копенгаген, на съезд Международного женского союза суфражисток (*The International Woman Suffrage Alliance*), где впервые встретила лидера британской радикальной феминистской организации Женский социально-политический союз (*WSPU*) Эммелин Панкхерст, с которой в будущем ее свяжет близкая дружба¹⁵.

Вернувшись в ноябре 1906 г. в Нью-Йорк и уволившись из *New York Evening Post*, где она не видела перспектив для развития карьеры журналистки, энергичная и целеустремленная американка убедила главного редактора прогрессивного журнала *Everybody's* Джона Косгрейва платить ей по 35 долларов в неделю за подготовку серии статей под общим названием «Женское нашествие» (*The Woman's Invasion*). Дор задумала провести журналистское расследование и подробно рассказать американской читающей публике о том, что она называла «массовым исходом женщин из дома на фабрики», став первой журналистской, не побоявшейся полностью погрузиться в этот мир, дабы взглянуть на него изнутри. Больше года с утра и до вечера Дор работала швеей, прачкой, продавщицей и трудилась на фабриках в различных городах США, еженедельно отправляя свои заметки редактору журнала. Однако поскольку последний был заинтересован не в набросках, а в законченных статьях, ей пришлось согласиться на соавторство с талантливым журналистом Уильямом Хардом, оперативно превращавшим собранный Дор материал в готовые для печати тексты. Каково же было ее удивление, когда журнал анонсировал публикацию выстраданной ей и написанной на основе ее наблюдений макрейкерской серии лишь под фамилией Хард. И хотя через суд журналистка смогла добиться возвращения своего имени как соавтора статей, история «Женского нашествия» в версии Харда ее совсем не устраивала. Он делал акцент на триумфальном расширении поля профессиональной деятельности американских женщин, разорвавших цепи домашнего рабства и получивших возможность зарабатывать деньги на одежду и развлечения, в то время как Дор хотела рассказать историю о том, как вчерашние домохозяйки становились работницами, обретая новое самосознание, меняясь сами и оказывая влияние на рынок труда¹⁶.

Все эти идеи нашли отражение в первой книге Дор «Чего хотят восемь миллионов женщин», в которой обобщался ее опыт журналистских расследований и знания о суфражистском и женском профсоюзном движениях¹⁷. С 1910 г. Дор вошла в штат журнала *Hampton's Magazine*, где первоначально была опубликована большая часть глав этой книги, и своими статьями об условиях женского и детского труда способствовала окончательному переходу данного издания на макрейкерские позиции¹⁸.

В 1912 г. по заказу журнала *Good Housekeeping* американская журналистка отправилась в Париж с целью взять интервью у Панкхерст, с которой уже встречалась в 1906 г. Близкое знакомство с этой незаурядной женщиной, равно как и с деятельностью британских

¹³ См., например: *Dorr R. Ch. Crowning a King in Norway // Harper's Weekly. 1906. Vol. 50. P. 1054–1057.*

¹⁴ Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914. М., 2012. С. 637–643.

¹⁵ *Dorr R. Ch. A Woman of Fifty. P. 155–159; Motes S.G. Op. cit. P. 81; Jakes J. Op. cit. P. 111–133.*

¹⁶ *Dorr R. Ch. A Woman of Fifty. P. 193–198; Filler L. Op. cit. P. 271–273.*

¹⁷ *Dorr R. Ch. What Eight Million Women Want. Boston, 1910.*

¹⁸ См. статьи Р. Дор за 1910–1911 гг. в журнале *Hampton's Magazine*.

радикальных суфражисток, помогло Дор осознать, что основной целью ее социальной активности должна стать борьба за гендерное равноправие. Она сопровождала Панкхерст в ходе ее лекционного тура по США и провела с ней зиму 1913–1914 гг. в Париже, помогая писать автобиографию «Моя собственная история» (*My Own Story*), увидевшую свет в 1914 г. На обратном пути Дор посетила Финляндию (входившую тогда в состав Российской империи), где, по ее собственному признанию, поняла, почему американки так медленно продвигаются по пути обретения избирательных прав. Им, как она полагала, не хватало знания того «искусства» пассивного сопротивления, которым финны овладели в совершенстве, находясь под властью царя, и в котором финские женщины, оттачивавшие это «искусство» веками, преуспели больше мужчин¹⁹. Вернувшись в США, Дор стала первым редактором еженедельной газеты *Suffragist*. Она начала издаваться в ноябре 1913 г. Национальным союзом борьбы за избирательные права женщин (*The Congressional Union for Suffrage*) и прекратила свое существование в связи с принятием в августе 1920 г. Девятнадцатой поправки к Конституции США, наделившей американок правом голоса.

Первая мировая война способствовала превращению Дор в военную корреспондентку, что для американских женщин-журналисток того времени было настоящим прорывом. Она оказалась в рядах тех реформаторов социалистического толка, которые ратовали за поддержку западных демократий в борьбе с кайзеровской Германией и участие США в войне на стороне Антанты. Новая страница журналистской карьеры Дор началась с приходом в газету *New York Evening Mail* весной 1915 г., став причиной ее отказа от поста редактора *Suffragist*. Она писала ежедневные статьи на 1 тыс. слов и редакционные колонки, следила за политикой и успехами суфражизма. Однако после вступления США в войну хотела лишь одного – быть военной корреспонденткой, в результате чего деятельность Дор, связанная с борьбой за женское равноправие, отошла на второй план. Осуществить свою мечту ей удалось после возвращения из революционной России, о чем пойдет речь во второй части статьи²⁰.

Завершив «русскую революционную эпопею» публикацией десятка статей и книги, Дор убедила главного редактора *New York Evening Mail* направить ее во Францию, где воевал ее сын Джулиан. Она отплыла туда 1 декабря 1917 г., получив паспорт в Государственном департаменте вопреки противодействию Джорджа Крила, возглавлявшего Комитет общественной информации США (*the United States Committee on Public Information*). Он не одобрял общий негативный настрой публикаций Дор о Русской революции, поскольку администрация Вудро Вильсона была заинтересована в дальнейшем участии России в войне и недооценивала опасность происходивших там радикальных процессов. В газете *New York Evening Mail* появился развернутый анонс ее будущих статей из охваченной войной Европы, сопровождавшийся следующими словами: «Миссис Дор – одна из самых выдающихся представительниц американской журналистики. Несмотря на свою женственную наружность, она способна преодолевать гораздо больше препятствий и трудностей, чем подавляющее большинство конкурирующих с ней корреспондентов»²¹.

Что касается трудностей, то они не заставили себя ждать, когда французские власти отказались аккредитовать Дор в качестве военной корреспондентки, требуя от *New York Evening Mail* прислать вместо нее мужчину. И, как уже не раз случалось в прошлом, американская журналистка не отступила и нашла решение проблемы, договорившись с Христианской молодежной ассоциацией (*The Young Men's Christian Association*) о чтении лекций, посвященных революционным событиям в России, и получив взамен возможность свободного перемещения по территории Франции²². Она пробыла в этой стране до мая

¹⁹ *Dorr R. Ch. A Woman of Fifty. P. 236–267.*

²⁰ *Filler L. Op. cit. P. 348.*

²¹ *Mrs. Dorr Now in Europe for Mail. Special Writer Will Tell of Both Battles and Politics // New York Evening Mail. 13.XII.1917.*

²² *Dorr R. Ch. A Woman of Fifty. P. 375–376, 380–389; Motes S.G. Op. cit. P. 82–83.*

1918 г., отправляя статьи в *New York Evening Mail* и собирая материалы для своей следующей книги «Солдатская мать во Франции»²³.

В ноябре 1918 г. Дор была вынуждена уволиться из *New York Evening Mail* (владелец газеты был обвинен в получении средств от правительства Германии). Оказавшись без работы, она ухаживала за своим раненым сыном в нью-йоркском военном госпитале и параллельно писала статьи для разных газет. Получив заказ от журнала *The Pictorial Review* на серию публикаций об участии женщин в президентских выборах 1920 г., Дор решила для начала проинтервьюировать конгрессменов в Вашингтоне. Вскоре после приезда в столицу на ночной улице ее случайно сбил мотоцикл. Последствия этого трагического случая отразились на всей дальнейшей жизни Дор. Выписавшись из госпиталя, упорная журналистка, несмотря на ухудшавшееся состояние здоровья, все же успела подготовить серию статей об избирательной кампании 1920 г. После окончания президентских выборов Дор отправилась на лечение в Чехословакию через разрушенную войной Францию, собирая по дороге материал для новых статей. Однако, добравшись до чехословацкой столицы, вновь оказалась в больнице, откуда после экстренной операции была переведена в американский госпиталь в Париже. В итоге она окончательно обосновалась в Праге лишь через пять месяцев после отъезда из Нью-Йорка²⁴.

В течение последующих двух лет Дор писала статьи о политической жизни в республиканской Чехословакии для газеты *New York Tribune* и ездила в Румынию и Италию, где наблюдала за появлением на политической сцене Национальной фашистской партии во главе с Бенито Муссолини. Узнав о том, что в Европе находится фрейлина и близкая подруга императрицы Александры Федоровны А.А. Вырубова, с которой Дор познакомилась в революционном Петрограде в 1917 г., журналистка стала искать с ней встречи, чтобы убедить написать мемуары. Она состоялась в апреле 1922 г. на юге Германии. Два месяца совместной работы над книгой женщины жили в окружении старых писем, фотографий и бесконечных разговоров о царской семье²⁵. «Мемуары русского двора» Вырубовой увидели свет в 1923 г.

Дор вернулась в США из Европы окрепшая, полная сил и идей, и в 1924 г. опубликовала автобиографию «Женщина в пятьдесят лет». Это была история ее жизни и карьеры, вписанная в контекст борьбы американок за свои права и место в профессии. В заключении к этой книге она резюмировала: «Полагаю, что главное достижение моего поколения женщин заключается в том, что, освободив молодых американок, мы создали для них возможность продвинуться по этому пути дальше нас»²⁶.

После 1925 г. Дор практически не занималась журналистской деятельностью из-за ухудшавшегося состояния здоровья, но продолжала читать лекции и писать книги. В 1928 г. из-под ее пера вышла фундаментальная биография Сьюзен Энтони, когда-то вдохновившей своим выступлением двенадцатилетнюю Рету на дело всей жизни – борьбу за равноправие американок. Она посвятила этот труд своей внучке, чтобы та представляла, «каким наследием пользуется в своей жизни»²⁷. Последняя книга Дор была опубликована в 1929 г.²⁸ Через несколько лет она переселилась в санаторий, поскольку ее состояние требовало постоянного врачебного ухода. Последние годы жизни Дор провела в доме своего врача и подруги Эйлин фон Лор в Пенсильвании, где умерла 8 августа 1948 г., пережив сына на 12 лет.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ РЕТЫ ДОР

Россия занимала особое место в жизни Дор. По ее собственному признанию, во время наблюдений за событиями Первой русской революции она пережила духовное прозрение,

²³ *Dorr R. Ch. A Soldier's Mother in France. Indianapolis, 1918.*

²⁴ *Dorr R. Ch. A Woman of Fifty. P. 394–408.*

²⁵ *Ross E. Op. cit. P. 115–116.*

²⁶ *Dorr R. Ch. A Woman of Fifty. P. 446.*

²⁷ *Dorr R. Ch. Susan B. Anthony. The Woman Who Changed the Mind of Nation. New York, 1928.*

²⁸ *Dorr R. Ch. Drink Coercion or Control? New York, 1929.*

сравнимое с религиозным пробуждением²⁹. Прибыв в Санкт-Петербург в 1906 г. и поселившись в одной квартире с русскими революционерами, которые напоминали ей то жирондистов, то санкюлотов времен Французской революции XVIII в. и среди которых оказались в том числе и террористы, американка с головой окунулась в новый для нее мир революционной России.

Дор посещала заседания Первой Государственной думы, а параллельно слушала рассказы о тайной революционной агитации среди рабочих и крестьян. Журналистка свела близкое знакомство с социалистами-революционерами, готовыми принести свои жизни на алтарь свободы и убеждавшими ее в том, что будь она русской, а не американкой, то сделала бы то же самое. Благодаря связям в революционной среде Дор смогла побывать на подпольных собраниях, которые увлекали ее больше, чем заседания Думы. Однако и социалисты-революционеры, и думские депутаты в лице конституционных демократов представлялись американской журналистке в одинаковой степени мечтателями. Первые пытались решить все вопросы посредством политических убийств власть предержащих. Вторые, представляя лучшие умы России и действуя на основе универсальных теорий, стремились в одночасье вестернизировать огромную империю, лишь просыпавшуюся от «тысячелетней ориентальной летаргии», ввести всеобщее избирательное право в стране, где преобладало неграмотное население, наделить землей крестьян, не представляя, как это реально осуществить, не подорвав экономическую систему государства. В этом визионерстве радикалов и либералов эпохи Первой русской революции Дор виделась угроза коллапса России в будущем³⁰. Однако к такому выводу она пришла позже, пережив трагический опыт событий 1917 г. (между крушением самодержавия и установлением власти большевиков).

Дор была одной из трех известных американских журналисток и военных корреспонденток, находившихся в революционной России в 1917 г.³¹ Две другие – Бесси Битти из газеты *San Francisco Bulletin* и Луиза Брайант, представлявшая *The Bell Syndicate*. Однако «русский опыт» этих американок оказался различным. Битти стала беспристрастным наблюдателем революционных событий, Брайант – приверженцем коммунистических взглядов, а Дор – последовательным критиком большевизма, революционного социализма и идеи передачи власти «в руки непросвещенного народа». Битти и Дор жили в одной и той же «Петроградской военной гостинице» (бывшая гостиница «Астория»), где прятались от шальных пуль во время Июльского восстания 1917 г., которое Дор первой подробно описала в американской прессе, а затем на страницах своей книги «Внутри Русской революции»³². Они пробирались по улицам охваченного хаосом Петрограда, рискуя жизнью, и вдохновлялись мужеством женского «Батальона смерти» М.Л. Бочкаревой, ушедшей добровольцем на фронт в начале Первой мировой войны и ставшей первой русской женщиной-офицером. Однако Дор раньше Битти покинула революционную Россию и приступила к обобщению «русских» наблюдений. Последняя уехала из Петрограда в конце января 1918 г., став свидетелем прихода к власти большевиков. В свою очередь, Брайант вместе с мужем – журналистом Джоном Ридом – оказалась в центре событий октября 1917 г., вдохновляясь их

²⁹ *Dorr R. Ch. A Woman of Fifty*. P. 136.

³⁰ *Ibid.* P. 138–144.

³¹ Четвертой женщиной-журналисткой стала канадка Флоренс Харпер. Она приехала в Россию в феврале 1917 г. в качестве специального военного корреспондента американского журнала *Leslie's Illustrated Weekly Newspaper* и параллельно была уполномочена делать фотографии для ведущей американской газеты *New York Times* и кинокомпании *Paramount Pictures*. Харпер также числилась штатным корреспондентом и официальным фотографом американского информационного агентства *Central News Photo Service*. Ее книга «Неудержимая Россия» (*Runway Russia*) была опубликована в 1918 г. в нью-йоркском издательстве *Century*.

³² *Dorr R. Ch. Inside the Russian Revolution*. P. 19–29.

кульминацией и финалом. Книга Дор, посвященная Русской революции, вышла в свет в 1917 г., Битти — в 1918 г., а Брайант — в 1919 г.³³

В истории американской журналистики это был первый случай, когда три женщины-корреспондентки конкурировали в сфере новостей не только с мужчинами, но и друг с другом³⁴. Они стремились нести американским читателям правду о Русской революции «из первых рук» в том виде, в каком она им представлялась, поскольку их политические взгляды и практики саморепрезентации не совпадали, как и способ подачи материала. При этом именно Дор оказалась первой, кто смог превратить свои наблюдения не только в систематическую серию статей, широко тиражированных американской прессой, но и в книгу.

Услышав о Февральской революции в редакции New York Evening Mail, Дор добилась, чтобы именно ее отправили в Россию, поскольку в течение десяти лет она наблюдала к русским революционным движением и побывала в этой стране дважды. В редакции к тому времени уже никто не возражал против такого решения, признав статус Дор как профессиональной корреспондентки, которая могла на равных конкурировать в мире новостей с мужчинами-журналистами. Перед отъездом редактор просил ее не философствовать и не писать о «русской душе», а честно выполнять свою репортерскую работу — наблюдать и рассказывать о происходящем. Именно этот принцип взяла на вооружение Дор, когда, прибыв в Петроград в мае 1917 г., она оказалась внутри Русской революции³⁵.

Журналистка была уверена, что нет ничего более увлекательного, чем писать о «нации в состоянии мятежа». Однако, в отличие от авторов большинства публикаций на страницах прессы США, она не искала аналогий с Американской революцией и не вдохновлялась идеей «русского 1776 г.», что было характерно для многих наблюдателей по другую сторону Атлантики на волне очарования событиями февраля 1917 г. в России. Дор привлекали сравнения Русской революции с Французской с характерными для них размахом, деструктивным потенциалом и «спазмами общественных организмов». Будучи знатоком истории Французской революции, американка мечтала стать вторым Артуром Янгом, британским журналистом, прославившимся благодаря его книге о путешествии по Франции в 1787—1790 гг. Под ее пером члены Временного правительства превращались в русских жирондистов, восставшие рабочие и солдаты — в санкюлотов, большевики — в якобинцев, императрица Александра Федоровна — в Марию Антуанетту, фрейлина и подруга первой Вырубова — в принцессу Марию де Ламбаль, подругу жены Людовика XVI (в то время как с ним самим сравнивался Николай II), русская революционерка-террористка М.А. Спиридонова — в Шарлотту Корде, убийцу Жана-Поля Марата. Дор чувствовала себя так, как будто оказалась в Париже в 1792 г.: с одной стороны, Лафайеты и Мирабо, просвещенные законодатели, мыслители и приверженцы идеалов и разума, а с другой — революционные фанатики — Дантоны, Мараты и Робеспьеры. И чем больше она наблюдала за динамикой событий, происходивших в России, тем больше ее пугало сходство с неконтролируемым мятежом санкюлотов, с политическим насилием и террором якобинцев, т.е. с тем, что ей как американке было абсолютно чуждо во Французской революции. По мнению Дор, и во Франции в конце XVIII в., и в России в 1917 г. власть была передана из рук здравомыслящих и интеллигентных людей «в руки фанатиков, которые превратили революции в кровавую вакханалию террора»³⁶.

³³ *Beatty B.* The Red Heart of Russia. New York, 1919; *Rappaport H.* Caught in the Revolution. London, 2016; *Bryant L.* Six Red Months in Russia: An Observer's Account of Russia Before and During the Proletarian Dictatorship / ed. L.A. Farrow. Bloomington, 2017; *Ginzburg L.* The Russian Journey of an American Newspaperwoman. A Revolution-in-the-Making in Bessie Beatty's Bulletin Dispatches // AMERICANA. Вып. 16. С. 104—133; *Iadem.* The Triumph and Anguish of the Russian Revolution: Bessie Beatty's Forgotten Chronicle // Journal of Russian American Studies. 2020. Vol. 4. № 1. P. 48—69.

³⁴ *Edwards J.* Op. cit. P. 32—40.

³⁵ *Dorr R. Ch.* A Woman of Fifty. P. 318—320, 332.

³⁶ *Dorr R. Ch.* Inside the Russian Revolution. P. 10.

Через переводчицу (русскую студентку) журналистка беседовала с жителями Петрограда на улицах, в трамваях, на скамейках парков и в очередях. В своем стремлении предоставить слово разным людям, оказавшимся вовлеченными в Русскую революцию, она встречалась с представителями различных социальных групп и политических партий, начиная с членов Временного правительства и большевиков и заканчивая аристократами и бывшими придворными. Именно Дор первой рассказала на страницах американской прессы достоверную историю убийства Григория Распутина, взяв интервью у князя Ф.Ф. Юсупова, принимавшего в нем непосредственное участие, а также у Вырубовой, ближайшей подруги императрицы Александры Федоровны³⁷. В итоге Дор пришла к выводу о том, что «Распутин был убит, поскольку он должен был быть убит»³⁸. В 1967 г. в телевизионном интервью французскому кинорежиссеру Роберу Оссейну князь Юсупов подтвердил все факты, представленные американской журналисткой в 1917 г.³⁹

Дор воочию наблюдала бессилие кадетов и Временного правительства, с одной стороны, и укрепление политических позиций Советов и большевиков, с другой. Она воздавала должное А.Ф. Керенскому, поскольку полагала, что кроме него никто не смог бы так долго демонстрировать обезумевшему от свободы и впадшему в анархию русскому народу необходимость существования работающего правительства⁴⁰. Однако параллельно журналистка критиковала Керенского за то, что он испугался радикальных мер, предложенных генералом Л.Г. Корниловым. Тот, как ей представлялось, мог спасти страну от большевизма, а русскую армию от разложения, и, будучи «истинным патриотом», был готов «заплатить за это ужасную цену»⁴¹. В итоге бессилие лидеров Временного правительства и установившееся в стране двоевластие позволили большевикам, которых Дор называла собирательным словом «Tavarishi» и считала немецкими шпионами, раскрутить спираль насилия, подталкивая страну к сепаратному миру с Германией⁴².

Дор, поначалу столь увлеченная поиском аналогий между Русской и Французской революциями, к сентябрю 1917 г. пришла к выводу о том, что ни Керенский, ни другие российские лидеры не были похожи на французских, т.е. Русская революция «не породила не только своих Дантонов и Мирабо, но и Робеспьеров»⁴³. Она вообще оказалась принципиально отличной от революции во Франции как революционного движения западного типа. Последней предшествовала древняя цивилизация, что позволило французам после периода террора вернуться на путь поступательного прогрессивного развития, а первой — «долгая ночь варварства», что привело к власти немецких агентов — большевиков, подчинивших себе непросвещенный народ⁴⁴. Подобные рассуждения в духе ориентализма, отбрасывавшие Россию на цивилизационную периферию, отчасти перекликались с идеями американских консерваторов-пессимистов, которые выходили на первый план на волне

³⁷ *Dorr R. Ch. Russian Prince Who Slew Rasputin Tells Own Story of Murder Night // New York Evening Mail. 6.X.1917; Iadem. Terrors of Russian Court Revealed by Czarina's Confident // New York Evening Mail. 9.X.1917; Iadem. Inside the Russian Revolution. P. 97–118.*

³⁸ *Dorr R. Ch. Inside the Russian Revolution. P. 102.*

³⁹ Interview by the French director Robert Hossein with Prince Felix Felixovich Yusupov and Princess Irina Alexandrovna Yusupova on the murder of Rasputin in 1916. Paris, 1967 // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zEjwhy1UR8> (дата обращения: 07.03.2025).

⁴⁰ *Dorr R. Ch. Russia Seeking Liberty, Finds Chaos // St. Louis Post-Dispatch. 27.IX.1917; Iadem. Premier Kerensky Tries to Put Back Russia's Genie of Unrest into Bottle // San Francisco Chronicle. 28.X.1917; Iadem. Kerensky Seeks Help of Army in Moscow Flight // New York Evening Mail. 9.XI.1917.*

⁴¹ *Dorr R. Ch. Inside the Russian Revolution. P. 38.*

⁴² *Dorr R. Ch. Russia, Liberty-Crazed, Beset by Thieves and German Spies // Washington Evening Star. 17.X.1917; Iadem. Terrorists Battle to Tera Russia into Score of Republics // New York Evening Mail. 19.X.1917; Iadem. Baffled Kerensky Vainly Struggling Against Terrorists // New York Evening Mail. 20.X.1917; Iadem. Real Russian Facts Secret; Bolsheviki Control Censor // New York Evening Mail. 9.XI.1917; Iadem. Inside the Russian Revolution. P. 217–225.*

⁴³ *Dorr R. Ch. Inside the Russian Revolution. P. 205–206.*

⁴⁴ *Dorr R. Ch. A Woman of Fifty. P. 341–342.*

разочарования в Русской революции (будь то 1905–1907 гг. или 1917 г.), хотя и не во всем совпадали с ними, что обуславливалось идейным кредо самой Дор.

Журналистка обвиняла сотрудников посольства США, членов отправленной президентом Вильсоном в Россию миссии Элиу Рута и большую часть американских корреспондентов в отсутствие реалистического взгляда на положение дел⁴⁵. Они не желали видеть очевидное и понять, что Россия погружалась в экономический и политический хаос, захлебывалась в крови убийств и расправ, бандитизма на улицах Москвы и Петрограда, что ее армия деморализована и разлагается, и что эта страна в своих поисках свободы на самом деле двигалась в сторону большевистской диктатуры⁴⁶. В этом смысле Дор оказалась более прозорливой, чем многие американские наблюдатели. Она восхищалась кадетами и их лидером П.Н. Милоковым, но была разочарована неспособностью русских либералов удержать власть. Она обвиняла Керенского и оправдывала планы Корнилова, полагая, что России, «упившейся свободой до бесчувствия», нужна временная военная диктатура⁴⁷. И неустанно критиковала большевиков, выпустивших из бутылки джина анархии. Поэтому Советы правили бал в России, солдаты не хотели воевать и устраивали расправы над офицерами, рабочие отказывались трудиться, а их комитеты установили контроль над фабриками и заводами, нарушая права собственников⁴⁸.

Будучи феминисткой и не сомневаясь в том, что женщины не просто равны мужчинам, но и превосходят их в преданности долгу, Дор в своих публикациях уделяла особое внимание русским женщинам. Все они – от революционерок В.Н. Фигнер, М.А. Спиридоновой и Е.К. Брешко-Брешковской, портретом которой открывалась ее книга, до императрицы Александры Федоровны, ее подруги Вырубовой и ушедшей в монастырь Елизаветы Федоровны, супруги великого князя Сергея Александровича, убитого террористами в 1905 г., – обрели голос на страницах публикаций американской журналистки о Русской революции⁴⁹.

Однако ее особое вдохновение вызвала политика Временного правительства, наделившего женщин в России избирательными правами и предоставившего им возможность воевать наравне с мужчинами. Женские батальоны вообще и созданный Бочкаревой женский «Батальон смерти» в особенности стали объектом пристального внимания всех американских корреспондентов, освещавших Русскую революцию 1917 г.⁵⁰

Этой теме посвящено несколько статей и глав в книге Дор, где представлена не только подлинная история самой Бочкаревой (с ее же слов), но и портреты женщин-воинов (от аристократок до крестьянок). Не успев оформить официальное разрешение, журналистка тайно доехала с женским батальоном до линии Северо-Западного фронта у Двинска, переодевшись в форму сестры милосердия. Она прожила с женщинами в бараках девять

⁴⁵ Об этом подробнее см.: *Листиков С.В.* США и революционная Россия в 1917 г. К вопросу об альтернативах американской политики от Февраля к Октябрю. М., 2006.

⁴⁶ *Dorr R. Ch.* Russia Finds Anarchy in Fight for Millennium // New York Evening Mail. 26.IX.1917; *Iadem.* Bloody of Lenin Radicals Spread Death in Russia to Force Separate Peace // New York Evening Mail. 28.IX.1917; *Iadem.* Blood and Terror Ruling in Russia // Washington Evening Star. 3.XII.1917; *Iadem.* A Woman of Fifty. P. 336–337.

⁴⁷ *Dorr R. Ch.* Kerensky Feared to Let Korniloff Save Russian Army // New York Evening Mail. 29.IX.1917; *Iadem.* Korniloff, Kerensky, Caedines Main Hope of Saving Russia // New York Evening Mail. 12.XI.1917; *Iadem.* Korniloff-Kerensky Victory // New York Evening Mail. 14.XI.1917; *Iadem.* Inside the Russian Revolution. P. 199–207.

⁴⁸ *Dorr R. Ch.* Fanatics Snatched Freed Russia from Hands of Wise Man // St. Louis Post-Dispatch. 28.IX.1917; *Iadem.* Workers' Control Cuts Down Factory Output in Russia // New York Evening Mail. 15.X.1917; *Iadem.* Workers Sleep and Loaf While Russia Suffers Dire Want // New York Evening Mail. 16.X.1917; *Iadem.* Liberty in Russia Blocked by Soldiers and Workmen // Washington Evening Star. 18.X.1917; *Iadem.* Inside the Russian Revolution. P. 41–49, 172–188.

⁴⁹ *Dorr R. Ch.* Czarina's Aide Reveals Secrets of Russian Court // New York Evening Mail. 8.X.1917; *Iadem.* Abbess Feodorovna, Last of Romanoffs, Prays for Kerensky // New York Evening Mail. 11.X.1917; *Iadem.* Visit to Only Free Member of Royal Family in New Russia // Washington Evening Star. 4.XI.1917; *Iadem.* Inside the Russian Revolution. P. 129–151.

⁵⁰ *Rappaport H.* Op. cit. P. 193–201.

дней до того момента, когда их отправили в бой, а впоследствии навестила раненых в госпитале в Петрограде. Женский «Батальон смерти» покрыл себя славой в первом же сражении, и корреспондентка, затаив дыхание, слушала рассказы о нем от непосредственных участниц событий, в частности от тяжело раненой Бочкаревой. В итоге именно Дор первой рассказала американцам наиболее полную и достоверную историю об этих женщинах-воинах и их командире, контрастировавшую с противоречивой и искаженной информацией, появлявшейся в прессе США⁵¹. Журналистка пришла к выводу о том, что русские женщины и казаки — это «те две силы, которые готовы умереть ради восстановления мира, порядка и чести в их обезумевшей земле», что «страну, где рождаются такие женщины-воины, невозможно сокрушить. И пусть потребуется время для преодоления существующего состояния хаоса, однако возрождение, без сомнения, наступит»⁵².

Дор была полностью захвачена той революционной драмой, которая разворачивалась перед ней на российской исторической сцене, заняв место в первом ряду зрительного зала и не имея возможности сразу описывать увиденное. Она лишь наблюдала и собирала информацию. Вернувшись в сентябре 1917 г. в США, журналистка обнаружила, что американцы толком не представляют, что происходит в охваченной революцией России, кто такой Керенский и каковы цели Советов и большевиков. Получив полный карт-бланш от редактора относительно того, о чем и как писать, Дор полностью погрузилась в переживание своего русского опыта. Пять недель с утра и до вечера она печатала статьи, пребывая в мире воспоминаний и удивляясь тому, что, посмотрев в окно, не видит крыши Петрограда и колоколен Кремля. 24 сентября 1917 г. в *New York Evening Mail* появился анонс серии ее статей, содержащий такие слова: «Миссис Дор, говоря от лица женщин-патриотов, страстно желающих победы союзников над германским милитаризмом, расскажет подлинную историю жуткого хаоса, в котором оказалась Россия»⁵³. С конца сентября по начало декабря 1917 г. на первых страницах этой газеты регулярно публиковались объемные статьи Дор, которые оперативно перепечатывались в *Washington Evening Star*, *San Francisco Chronicle*, *St. Louis Post-Dispatch* и легли в основу ее книги «Внутри русской революции». Она очень выборочно читала лекции, хотя выгодных предложений было предостаточно, писала статьи и книгу, изредка появляясь в редакции *New York Evening Mail*, и не реагировала на нападки радикальных социалистов и коммунистов, включая Брайант, за свое видение Русской революции⁵⁴.

Книга Дор была не только историей борьбы Временного правительства и большевиков в истекавшей кровью России, но и размышлением над тем, как американцы могут помочь этой стране вновь обрести стабильность и освободиться от всевластия «человека с улицы», не признающего никакой власти вообще. И в этом смысле ее рассуждения тяготели к американскому либерально-универсалистскому дискурсу с характерным для его участников стремлением превратить Россию в объект мессианских порывов американцев, хотя Дор по-иному представляла себе природу этой миссии. Проблема русских, по ее мнению, заключалась в понимании свободы как анархии и тотальном неподчинении никому, кроме Советов. А потому им не нужны были «уроки демократии». В России ее итак оказалось в избытке. Эта страна нуждалась в стабильном правительстве для восстановления порядка, в дееспособной армии для завершения войны, в политических и экономических лидерах, вызывающих доверие народа, который необходимо просвещать и обучать тому, что такое правовое государство и как создать федерацию республик. Во всем этом русским могли

⁵¹ *Dorr R. Ch. Mrs. Pankhurst in Russia to Organize Women to Service // New York Evening Mail. 17.X.1917; Iadem. Woman Soldiers of Russia May Rescue to Republic // Washington Evening Star. 21.X.1917; Iadem. Russia Mail Troops Hide as Women Go into Battle // Washington Evening Star. 22.X.1917; Iadem. Women of Russia Enlisting to Form a Division of 20000 // New York Evening Mail. 23.X.1917; Iadem. Inside the Russian Revolution. P. 50–83; Jakes J. Op. cit. P. 94–95.*

⁵² *Dorr R. Ch. Inside the Russian Revolution. P. 49, 51.*

⁵³ *Dorr R. Ch. The Amazing Truth About Russia // New York Evening Mail. 24.IX.1917.*

⁵⁴ *Dorr R. Ch. A Woman of Fifty. P. 373–375; Ross E. Op. cit. P. 111.*

помочь американцы. США, полагала Дор, «должны выделять займы России, даже если нет надежды эти деньги вернуть, отправлять продукты и другие товары, даже если в ответ не прозвучат громкие слова благодарности»⁵⁵. Журналистка уповала на то, что надвигающийся в России голод приведет к крушению власти большевиков⁵⁶. Этого не случилось ни в 1917 г., ни в 1921–1922 гг., когда Американская администрация помощи помогала населению голодавшей советской страны.

Наблюдение за событиями в революционной России привело Дор к выводу о том, что Русская революция 1917 г. является предостережением для всех приверженцев социализма, включая ее саму: «Я верю, что мир предназначен для большинства, а не для избранных. Но Россия продемонстрировала бесперспективность передачи всей полноты власти из рук одного класса в руки другого. ...Урок России для Америки состоит в том, что для перехода на следующую социально-экономическую стадию развития требуется кропотливая, продуманная и дальновидная подготовка. Ее следует начинать с детского возраста посредством всеобщей системы образования, дабы в перспективе создать здравомыслящий рабочий класс, который будет осознавать свою ответственность за полученную власть и которому мы сможем, не опасаясь, ее вручить, равно как и доверить свою судьбу»⁵⁷.

Осмысливая свой жизненный путь, Дор признавалась, что, будучи лично знакома с анархистами и радикалами различных взглядов, всегда испытывала разочарование от обсуждения их конкретной политической программы. Это заставляло ее возвращаться к феминизму с его целями, достижимыми законным путем, и укрепляться в вере в то, что следование букве и духу Конституции США позволяет американцам обрести ту степень свободы, к которой они готовы в каждый конкретный период исторического развития⁵⁸. Так пережитый Дор отрезвляющий опыт Русской революции способствовал ее окончательному обращению к социальному либерализму с характерной для него программой достижения большего равенства посредством реформ.

Это, однако, не лишило американку веры в будущее России. Да, в 1917 г. она тяжело «переболела» свободой, не научившись пока ею пользоваться, но в будущем, пусть и ценой неимоверных страданий, должна была возродиться к новой жизни. И хотя, по мнению американской наблюдательницы, в чем-то русские находились еще в XVI в., они учились быстрее всех остальных народов Европы⁵⁹. Дор не рассчитывала на возникновение «демократической цивилизации» в России в скором времени, однако признавалась в том, что борьба за свободу этой страны была для нее вдохновляющим опытом, и верила в тот вклад, который русские внесли и еще внесут в развитие мировой демократии.

Резюмируя свои многолетние наблюдения за событиями Русской революции, она писала: «Несчастливая Россия, дважды я видела тебя под властью царя и однажды — под пятой еще более безжалостного тирана — толпы. Возможно, я не доживу до того момента, когда ты обретешь свободу и сбросишь сковывающие тебя цепи. Но поработенная или свободная, ты всегда будешь в моем сердце, поскольку от твоей кровотокашей, покрытой шрамами и измученной души я зажигаю свой собственный факел свободы»⁶⁰.

Таков был итог путешествия Реты Дор в Русскую революцию, специфика восприятия которой обуславливалась ее гендерной идентичностью и пониманием смысла американского

⁵⁵ Dorr R. Ch. Russia Looks to America for Aid in Readjustment // New York Evening Mail. 30.IX.1917; *Iadem*. Inside the Russian Revolution. P. 216, 226, 234.

⁵⁶ Dorr R. Ch. Hunger Soon to End Merciless Rule of Russian Terrorists // New York Evening Mail. 12.X.1917; *Iadem*. Empty Dinner Pail Russia's Hope for Save Government // New York Evening Mail. 22.X.1917; *Iadem*. Fate of Russians This Winter // 5.XI.1917; *Iadem*. Inside the Russian Revolution. P. 152–171.

⁵⁷ Dorr R. Ch. Inside the Russian Revolution. P. 243.

⁵⁸ Dorr R. Ch. A Woman of Fifty. P. 218–219.

⁵⁹ Dorr R. Ch. Inside the Russian Revolution. P. 9, 242.

⁶⁰ Dorr R. Ch. A Woman of Fifty. P. 147.

реформаторства. Наблюдая движение России от Февраля к Октябрю, Дор, подобно многим своим согражданам, пережила своеобразный цикл надежд и разочарований. Поэтому ее нарратив вписывался в различные схемы восприятия перспектив обновления России, существовавшие в общественно-политическом дискурсе США и связанные с конструированием национальной идентичности: либерально-универсалистскую, если говорить о вере в будущее русского народа, лишь «поступившего в американскую школу свободы» и нуждавшегося в длительном обучении принципам правового государства и гражданского общества, республиканизма и федерализма; радикальную, в том, что касалось значения русского революционного послания для всего человечества как вдохновляющего (хотя для Дор и отрезвляющего одновременно); и даже в определенной степени в консервативно-пессимистическую, если вспомнить ориенталистские высказывания американской журналистки и описание «революции по-русски» как движения по кругу от свободы через анархию к диктатуре (правда, при сохранении веры в ее успех в будущем и способность русского народа постепенно двигаться по пути свободы, преодолевая наследие прошлого).

Русский революционный «Другой» позволил Рете Дор уточнить ее американское «Я» и перейти на позиции социального либерализма, утвердившись в способности американцев достигать большего равенства и возвращать свое общество к состоянию баланса, на время им утраченному, посредством реформ. Кроме того, ее публикации в прессе и книга внесли немаловажный вклад в формирование американской феноменологии Русской революции, оказавшей влияние не только на ее историографию в США, но и на восприятие американцами Советской России в целом.

Библиография / References

Журавлева В.И. Американское путешествие в Русскую революцию: образы и мифы (1905–1917) // Исторический вестник. 2018. Т. 23. С. 138–173.

Журавлева В.И. Изучение Русской революции в США: академический дискурс как дискурс идентичности // AMERICANA. Вып. 16 / под ред. А.И. Кубышкина, И.И. Курилы. СПб.; Волгоград, 2020. С. 148–165.

Журавлева В.И. Образ Русской революции в американском радикальном дискурсе: социальная миссия России vs либеральная миссия США // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 12 (98). Часть I. URL: <https://history.jes.su/s207987840012984-1-1/> (дата обращения: 07.03.2025). DOI: 10.18254/S207987840012984-1

Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914. М., 2012.

Журавлева В.И. Революция 1905–1907 гг. в России в восприятии американских «джентльменов-социалистов» // Новая и новейшая история. 2013. № 1. С. 63–77.

Журавлева В.И. Русский революционный «Другой» в американской русистике // Революции и революционный дискурс в США / под ред. В.И. Журавлевой, И.В. Морозовой, Х.Б. Фернандеса. М., 2019. С. 158–176.

Листиков С.В. США и революционная Россия в 1917 г. К вопросу об альтернативах американской политики от Февраля к Октябрю. М., 2006.

Мэллой-мл. Дж. Уильям Уоллинг и его собратья «джентльмены-социалисты» // США: экономика, политика, идеология. 1995. № 3. С. 50–59.

Россия 1917 года в эго-документах. Записки репортера / под ред. Н.В. Суржиковой. М., 2016.

Listikov S.V. SShA i revoliutsionnaia Rossiia v 1917 g. K voprosu ob al'ternativakh amerikanskoj politiki ot Fevralia k Oktiabriu [USA and Revolutionary Russia in 1917. On the Question of Alternatives in American Policy from February to October]. Moskva, 2006. (In Russ.)

Melloi-ml. Dzh. Uil'iam Uolling i ego sobrat'ia "dzhentl'meny-sotsialisty" [William Walling and His Brethren "Gentlemen Socialists"] // SShA: ekonomika, politika, ideologija [USA: Economy, Politics, Ideology]. 1995. № 3. S. 50–59. (In Russ.)

Rossiia 1917 goda v ego-dokumentakh. Zapiski reportera [Russia 1917 in Ego-Documents. Notes of a Reporter] / pod red. N.V. Surzhikovoi. Moskva, 2016. (In Russ.)

Zhuravleva V.I. Amerikanskoe puteshestvie v Russkuiu revoliutsiiu: obrazy i mify [American Journey into the Russian Revolution: Images and Myths] (1905–1917) // Istoricheskii vestnik [Historical Bulletin]. 2018. T. 23. S. 138–173. (In Russ.)

Zhuravleva V.I. Izuchenie Russkoi revoliutsii v SShA: akademicheskii diskurs kak diskurs identichnosti [The Study of the Russian Revolution in the US: Academic Discourse as an Identity Discourse] //

AMERICANA. Vyp. 16 / pod red. A.I. Kubyshkina, I.I. Kurilly. Sankt-Peterburg; Volgograd, 2020. S. 148–165. (In Russ.)

Zhuravleva V.I. Obraz Russkoi revoliutsii v amerikanskom radikal'nom diskurse: sotsial'naia missiia Rossii vs liberal'naia missiia SShA [Image of the Russian Revolution in American Radical Discourse: the Russia's Social Mission vs the US Liberal Mission] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2020. T. 11. Vyp. 12 (98). Chast' I. URL: <https://history.jes.su/s207987840012984-1-1/> (access date: 07.03.2025). DOI: 10.18254/S207987840012984-1 (In Russ.)

Zhuravleva V.I. Ponimaniie Rossii v SShA: obrazy i mify [Understanding Russia in the United States: Images and Myths]. 1881–1914. Moskva, 2012. (In Russ.)

Zhuravleva V.I. Revoliutsiia 1905–1907 gg. v Rossii v vospriiatii amerikanskikh "dzhentl'menov-sotsialistov" [Revolution of 1905–1907 in Russia in the American "Gentlemen Socialists" Representations] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2013. № 1. S. 63–77. (In Russ.)

Zhuravleva V.I. Russkii revoliutsionnyi "Drugoi" v amerikanskoj rusistike [The Russian Revolutionary "Other" in American Russian Studies] // Revoliutsii i revoliutsionnyi diskurs v SShA [Revolutions and the Revolutionary Discourse in the USA] / pod red. V.I. Zhuravlevoi, I.V. Morozovoi, Kh.B. Fernandes. Moskva, 2019. S. 158–176. (In Russ.)

Beatty B. The Red Heart of Russia. New York, 1919.

Bryant L. Six Red Months in Russia: An Observer's Account of Russia Before and During the Proletarian Dictatorship / ed. L.A. Farrow. Bloomington, 2017.

Chatterjee Ch. "Odds and Ends of the Russian Revolution", 1917–1920: Gender and American Travel Narratives // Journal of Women's History. 2008. Vol. 20. № 4. P. 10–33.

Dorr R.Ch. A Soldier's Mother in France. Indianapolis, 1918.

Dorr R.Ch. A Woman of Fifty. New York, 1924.

Dorr R.Ch. Drink Coercion or Control? New York, 1929.

Dorr R.Ch. Inside the Russian Revolution. New York, 1917.

Dorr R.Ch. Susan B. Anthony. The Woman Who Changed the Mind of Nation. New York, 1928.

Dorr R.Ch. What Eight Million Women Want. Boston, 1910.

Edwards J. Women of the World. The Great Foreign Correspondents. Boston, 1988.

Filler L. Crusaders for American Liberalism. New York, 1939.

Foglesong D.S. The American Mission and the "Evil Empire". The Crusade for a "Free Russia" since 1881. New York, 2007.

Ginzburg L. The Russian Journey of an American Newspaperwoman. A Revolution-in-the-Making in Bessie Beatty's Bulletin Dispatches // AMERICANA. Vyp. 16 / pod red. A.I. Kubyshkina, I.I. Kurilly. Sankt-Peterburg; Volgograd, 2020. S. 104–133.

Ginzburg L. The Triumph and Anguish of the Russian Revolution: Bessie Beatty's Forgotten Chronicle // Journal of Russian American Studies. 2020. Vol. 4. № 1. P. 48–69.

Jakes J. Great Women Reporters. New York, 1969.

Mickenberg J.L. Suffragettes and Soviets: American Feminists and the Specter of Revolutionary Russia // Journal of American History. 2014. Vol. 100. № 4. P. 1021–1051.

Motes S.G. Rheta Dorr // American Newspaper Journalists, 1901–1925 / ed. P.J. Ashley. Detroit, 1984.

Rappaport H. Caught in the Revolution. London, 2016.

Riegel R.E. American Feminists. Lawrence, 1966.

Ross E. Ladies of the Press. The Story of Women in Journalism by an Insider. New York; London, 1936.